

Чжао-гэр дождался вечера, когда зной наконец отступил, и только тогда взял сына с собой к реке, попутно обучая его нехитрой работе.

Нужно было аккуратно обрывать кончики стручков, вытягивая жесткие жилки, иначе фасоль вышла бы волокнистой и старой. Поврежденные насекомыми или подгнившие части безжалостно выбрасывались. Очистить целую корзину, перебивая каждый стручок по отдельности, оказалось делом весьма трудоемким.

Гуай-цзай старательно корпел рядом, пристроившись на корточках у самой кромки воды. Но на середине дела малыш вдруг сморщил личико:

— Папочка, Гуай-цзай хочет пипи.

В этом месте верховье реки было совсем мелким, и люди заглядывали сюда редко — обычно стирали белье ниже по течению. Прямо за их спинами тянулась небольшая канава, вырытая специально для отвода воды на поля.

Чжао-гэр указал на отмель у канавы, усыпанную гладкой галькой:

— Сходи вон туда.

***

Фан Цзычэнь сегодня освободился раньше обычного. Вернувшись домой, он обнаружил, что в комнатах пусто. Во дворе стояла непривычная тишина.

Обычно к его приходу Чжао-гэр уже вовсю хлопотал у очага, дожидаясь мужа с горячим ужином, так что нынешнее отсутствие домочадцев казалось странным.

Встревожившись, не случилось ли чего, мужчина отер пот со лба и, даже не присев отдохнуть, собрался было идти на поиски, как вдруг в ворота вошел супруг, ведя сына за руку.

Лицо Чжао-гэра выражало нечто неопишное: он то ли улыбался, то ли пытался сдержать смех, но при этом в его взгляде читались неловкость и сострадание. Окажись здесь лучший столичный ученый — и тот вряд ли сумел бы подобрать слова для описания этой гримасы.

Обычно Гуай-цзай, едва завидев отца, звонко кричал: «Папа!» — и, сияя глазами, бросался ему навстречу. Но сегодня всё было иначе.

Малыш шел как-то странно, переваливаясь и едва переставляя ноги. Вид у него был самый жалкий: он то и дело всхлипывал, утирая слезы кулачком, а его покрасневшие глаза выдавали, что плакал он долго и горько.

— Что случилось? — встревоженно спросил Цзычэнь, присаживаясь перед сыном.

— У-у... Па-апа... у-у-у! — Услышав голос отца, Гуай-цзай расстроился еще сильнее. Он замялся, не решаясь подойти ближе, и, семеня мелкими шажками, словно застенчивая девица, пролепетал сквозь слезы: — Птичка боли-ит... у-у...

Фан Цзычэнь растерянно моргнул:

— Что?..

Он подхватил малыша на руки и вопросительно взглянул на Чжао-гэра. Тот плотно сжал губы, отчаянно подавляя рвущийся наружу смешок, неловко кашлянул и выдавил:

— Его... его там прищемило.

Фан Цзычэнь:

— ...

Он тут же уселся на порог, уложив Гуай-цзая к себе на колени. Когда штанишки были спущены до колен, мужчина внимательно осмотрел «пострадавшего». Картина открылась эпическая: крохотный «червячок», который и в лучшие-то времена был не больше мизинца, уныло поник. Кончик его заметно покраснел, а кожа местами словно бы даже немного сошла.

— Да как же так-то? — ахнул отец.

Чжао-гэр отнес корзину на кухню и, вернувшись, уже не скрывал улыбки:

— Краб цапнул.

Что?

Цзычэнь не выдержал:

— Пф-ха-ха!..

— У-у-у! Папа, не смейся! — малыш снова зашелся в рыданиях, размазывая слезы по щекам.

Для мужчины это место — ахиллесова пята, самое уязвимое и нежное. И пусть там всего лишь немного содрана кожа, нетрудно было представить, какую адскую боль испытал ребенок в тот момент.

Фан Цзычэнь изо всех сил старался сохранить серьезный вид, и теперь его лицо застыло в той же причудливой гримасе, что и у супруга.

— Прости, сынок... Я... кхм... ха-ха...

— У-у-у! — Гуай-цзай совсем обиделся. — Папе нельзя смеяться! Гуай-цзаю больно! Нельзя смеяться!

Чжао-гэр окончательно потерял самообладание и поспешно скрылся на кухне.

Фан Цзычэнь кое-как взял себя в руки:

— Всё еще очень больно?

Сын шмыгнул носом и пролепетал тонким голоском:

— Угу... Больно.

Мужчина нахмурился — тут уж ничего не поделаешь. Малыш, чьи ресницы еще блестели от влаги, с надеждой посмотрел на него:

— Папа, подуй. Подуешь — и болеть не будет.

— ...Ладно. Давай подую.

Фан Цзычэнь еще долго утешал сына, пока тот окончательно не успокоился, и только тогда внес его на руках в кухню.

Рис уже варился. Нужно было дождаться, когда он будет готов, выложить его в миски и вымыть единственный котел, чтобы только потом заняться овощами. В этом доме не было ни скороварок, ни электрических рисоварок. В деревенских семьях обычно держали два котла: один для риса, другой для жарки.

Но этот котел Чжао-гэр покупал сам в те времена, когда Фан Цзычэнь еще таскал тюки на пристани и денег в доме не было совсем. Тогда он смог позволить себе только один. Думал

прикупить второй, когда станет полегче, но теперь мужу нужны были средства на учебу, и Чжао-гэр экономил на всём, на чём только мог.

Почему в деревнях никто не учился? Неужели люди не понимали ценности знаний? Напротив, каждый знал, что грамота — единственный путь в люди для пахаря. Но никто не шел по этому пути просто потому, что это было непомерно дорого.

Поговаривали, что ханьцзы из деревни Сяожун, который подался в ученики, тратит больше одного ляна в месяц — и это не считая расходов на бумагу, кисти и тушь. Один лян в месяц — это двенадцать-тринадцать лянов в год. Даже если ничего не есть и не пить, а продать весь урожай до последнего зернышка — столько не заработать.

Кто бы решился отправить ребенка на такую гибель?

Фан Цзычэнь хоть и зарабатывал три ляна, но копить совершенно не умел: на столе у них всегда был чистейший белый рис. Сколько там оставалось в конце месяца?

Чжао-гэр невольно запечалился, погрузившись в эти мысли, и очнулся, только когда супруг подошел ближе.

— О чем задумался? — спросил Фан Цзычэнь.

Чжао-гэр продолжал мелко резать фасоль на доске:

— Ни о чем.

Было ясно, что его что-то тревожит, но у Цзычэня сейчас был другой повод для любопытства.

— Слушай, Чжао-гэр, мне всё покоя не дает... — он снова едва сдержал смех. — Как так вышло, что краб его за «птичку» цапнул?

Гуай-цзай послушно сидел на маленькой скамеечке, приглядывая за огнем и сложив ручки на коленях, словно прилежный ученик. Чжао-гэр стоял к нему спиной, поэтому мог позволить себе беззвучно посмеяться.

— Он пошел со мной мыть фасоль, а на полпути запросился в туалет. Я отправил его к канаве, а там... кто же знал?

— Нет, постой, — недоумевал Фан Цзычэнь. — Эти крабы что, летать умеют? Или у ваших местных крабов клешни длиной с руку?

— ...Он присел на корточки.

Фан Цзычэнь замолчал на пару секунд, а потом уточнил:

— Гуай-цзай ведь мальчик, верно?

Чжао-гэр кивнул — об этом они говорили уже не раз.

— Ну и какой мужчина писает на корточках? — возмутился Фан Цзычэнь. — Ты его этому научил?

Супруг покачал головой. Откуда ему было знать, как положено мужчинам? Сам он делал это стоя, но Гуай-цзай был еще мал, а опыта в воспитании детей у Чжао-гэра не было. К тому же в семье Ма он крутился как белка в колесе, вечно ломая голову над тем, как раздобыть кусок хлеба, и на такие мелочи просто не обращал внимания. Да и за другими детьми он никогда не приглядывал.

С тех пор как они стали жить с Фан Цзычэнем, он привык видеть сына в такой позе и не находил в этом ничего предосудительного.

Цзычэнь вздохнул:

— Ладно, не беда. Впредь я сам его научу. Мужские дела должен объяснять мужчина.

Его голос звучал непривычно серьезно, словно он вдруг осознал всю тяжесть ответственности.

— Жизнь в неполной семье явно не идет ребенку на пользу. Ты растил его один, за всем не уследишь, многого не предусмотритишь. Но теперь здесь я. Не волнуйся, я обещаю воспитать его достойным человеком, полезным для страны и народа.

Он говорил с таким пафосом, что Чжао-гэру захотелось улыбнуться. Сам он не желал сыну великих свершений — лишь бы рос здоровым, крепким да жил в мире и спокойствии.

Стоило заговорить о малыше, как Фан Цзычэня прорвало на вопросы.

— Я заметил, что деревенских детей часто зовут Гоу-шэн, Эрчжу или Ху-цзы... Как тебе в голову пришло назвать его Гуай-цзаем?

Имя и впрямь было необычным, даже милым. В округе так детей не называли — в деревнях верили, что у ребенка «слабая судьба», и чтобы он не умер во младенчестве, нужно дать ему грубое имя, которое отпугнет злых духов.

Чжао-гэр улыбнулся:

— Потому что он с самого детства был очень послушным. Почти никогда не капризничал. Только если совсем проголодается — тихонько так поплачет, и всё.

Фан Цзычэнь облизал губы. Были вещи, о которых он не решался спросить раньше: сначала из-за того, что они были чужими людьми, потом — из-за неопределенности своего положения. Но сейчас любопытство взяло верх. Он чувствовал нечто вроде ревности к прошлому, направленной на призрачного врага.

— А что... что тот мерзавец?

— Что?

— Ну, тот подонок, который над тобой надругался.

Чжао-гэр на мгновение замер, лицо его стало странным. Увидев, как Фан Цзычэнь пристально на него смотрит, он даже перестал резать.

— Ты чего так на меня глядишь? — нахмурился Цзычэнь. — Не нравится, что я зову его мерзавцем?

Супруг отвел взгляд и снова принялся за фасоль.

— Он исчез в ту же ночь, — едва слышно проговорил он.

Тот презрительно фыркнул — поделом трусу.

— Значит, когда ты ходил беременным, тебе пришлось несладко?

— ...Да, — не стал отрицать Чжао-гэр.

Это время и впрямь было тяжелым. Когда в семье Ма узнали о его положении, на него обрушился поток яростной брани и побоев. Ребенок тогда едва не погиб. Его заставляли избавиться от плода, но он стоял на своем до последнего. И когда родня решила прибегнуть к силе, он просто сказал: если ребенка не станет, он тоже не жилец.

Видя, что он не шутит, в семье Ма нехотя отступились. Не то чтобы им было жаль его жизни — просто терять рабочие руки не хотелось. Так малыш был спасен.

За все месяцы беременности Чжао-гэр ни разу не поел досыта. Каждый день он сам искал в

лесу съедобные травы. Ма по-прежнему надеялись, что плод выйдет сам, и нагружали его непосильной работой. От постоянного недоедания и изнурительного труда ребенок родился раньше срока — в самом конце февраля.

Схватки начались глубокой ночью. Чжао-гэр лежал в деревянном сарае на куче соломы, служившей для растопки. Он подстелил под себя старую одежду и, в одиночку зажав в зубах деревяшку, боролся с ужасом и болью. Он мучился до самого рассвета, силы почти покинули его, и когда ему уже казалось, что конец близок, на свет появился ребенок.

Гуай-цзай родился совсем крошечным, не больше новорожденного котенка. Чжао-гэр сам перерезал пуповину ножницами, которые заранее одолжил у тётушки Лю, завернул сына в тряпье и просто разрыдался.

— После родов я был совсем слаб, не мог даже встать, чтобы раздобыть еды. Голодал два дня. Тётушка Лю, заметив, что я не выхожу на работу, забеспокоилась и вечером прислала Сяо Вэня разузнать, что со мной. — Голос Чжао-гэра звучал ровно, почти буднично. — Когда они узнали о ребенке, тётушка Лю велела передать для него много вещей.

У Чжоу-гэра к тому времени уже родился Лю-лю, так что детская одежда в доме была. Никто не ожидал, что Чжао-гэр разрешится так рано, и тётушка не успела ничего приготовить. Лю Сяовэнь принес три комплекта одежек — те самые, что носил Лю-лю, да так, что самому тому почти ничего не осталось.

Когда Чжоу-гэр был в положении, тётушка Лю каждый день давала ему по яйцу, чтобы поддержать силы. На еду тогда забили всего три курицы. Но узнав о тяжелых родах Чжао-гэра, тётушка, опасаясь за его здоровье, велела забить для него целых шесть куриц. Сяо Вэнь приносил их в сарай по ночам, несколько дней подряд.

Поначалу Чжао-гэр отказывался — семья тётушки Лю сама жила небогато. Он просил Сяо Вэня приносить хотя бы простую лепешку из отрубей, но тот в ответ тут же обругал его:

— Что важнее — куры или ты?! Посмотри на себя, на кого ты похож!

Лю Сяовэнь всегда был добр к нему. Вспоминая ту ночь, когда он пробрался в поместье Ма и нашел Чжао-гэра в сарае — бледного, истощенного до костей, неподвижно лежащего в соломе, — Сяо Вэнь до сих пор чувствовал, как у него подкашиваются ноги. Страх за друга всё еще жил в его сердце.

Чжао-гэр замолчал на мгновение, а затем продолжил:

— Береги себя, — сказал он мне тогда. — Куры — дело наживное, если кончатся, я в городе еще куплю. И если Ма снова погонят тебя на поле — зови меня, я сам за тебя всё сделаю. Не вздумай геройствовать. У тебя теперь ребенок, ты больше не один, понял!

Не прошло и трех дней после родов, как семья Ма, потеряв всякое терпение, приказала ему выходить на работу. Видя, как он бредет с младенцем на руках, прижимая к плечу мотыгу, они лишь злословили вслед: «Ишь, живучая тварь. Даже это его не пришибло».

Лю Сяовэнь помогал чем мог, но он не мог вместо него готовить обеды, кормить свиней или стирать белье. Те дни были по-настоящему черными. Преждевременные роды окончательно подорвали и без того слабое здоровье. В первый месяц после родов Чжао-гэр был смертельно бледен, а когда принимался за работу, его руки и ноги била крупная дрожь.

То, что он тогда выжил, было настоящим чудом.

<http://bllate.org/book/15357/1427823>